

Фотопортрет спящего Виктора Шкловского. Переделкино, 1983 год © И. А. Пальмин / Архив литературной жизни XX века

«Чтобы заснуть, хорошо представить баранов, которых моют в море, или хотя бы одни только волны. В море садится солнце, оно пристаёт к горизонту, оплывает и испепеляется, как сыроватый, подожжённый кем-то стог сена. Перед белыми лбами волн появляются тени; волны белеют прижато, идут, как сфальцованные газеты из-под вала ротационной машины. Листы Леты: шуршат, бормочут, как волны реки забвения. Не засыпаю. Сердце звучит, как телефон с небрежно положенной трубкой. Сны перелистывают меня».

Цит. по: Шкловский В. Б. Жили-были : воспоминания, мемуарные записи, повести о времени: с конца XIX в. по 1964 г. М. : Сов. писатель, 1966. С. 8.

ДОЛГИЕ ЗИМНИЕ ВЕЧЕРА

Вот и наступили они, долгие зимние вечера — время тотального свободного времени. Мы собрали в этом номере воспоминания о том, как их коротали представители отечественной интеллигенции прошлого века. Тут вам застолья и эзотерические практики, самострок и игры, высокохудожественный кураж и даже отчаянный труд по увеличению процента рождаемости.

«УДИВИТЕЛЬНОЕ ДЕЛО — ТОЛЬКО И ВСПОМИНАЕШЬ О ХОРОШЕМ»

Художественный критик Сергей Гуськов на примере дневников Всеволода Иванова¹ показывает, как застолья (или, берите выше, симпозионы) становились в прошлом веке не только своеобразным термометром творческой жизни, но даже и её катализатором.

Групповое фото. И.И. Шнайдер, С.Д. Лебедева, Вс.В. Иванов, Е. Александрова, А.Б. Мариенгоф, А.Б.Никритина, И. Дункан, Ясный. [не ранее 1924]. © СПб ГБУК СПбГМТМИИ. Инв. номер: ОФ 233003. Номер по Госкаталогу: 64918582.

бинетам и улицам, охоты за книгами и их вынужденной продажи, обсуждения сводок с фронта и мук творчества. И особенно напряжёнными оказываются эти симпозионы в первые годы Великой Отечественной войны (но справедливости ради и записи в дневнике в это время насыщеннее, чем в другие периоды).

Естественно, о войне дискутируют часто и подолгу. Среди таких разговоров достаточно гаданий и геополитики: рассуждают, предадут ли союзники и на каком этапе, хватит ли у немцев танков и самолётов, чтобы прорваться в Индию, и так далее. Или вот: «Вечером — В.Ф. Асмус. Какой-то знакомый, секретарь какого-то института, передал ему слова Сталина о том, что сейчас наступил решающий и переломный момент и что на союзников надеяться не приходится... Сопоставляя эти слова со словами, которые будто бы сказал какой-то чекист, их знакомый, Асмус вывели заключение, что идут решительные переговоры о сепаратном мире с Германией, и именно сейчас, пока распутица, а слух этот пускается для того, чтобы „прощупать настроение“»⁴ (21 марта 1943 года, воскресенье). В общем, для фейкньюс не нужны интернет и соцсети, раньше

этот механизм прекрасно работал на сарафанном радио и бурном воображении. Плюс повсеместная секретность, которая ещё до войны порождала слухи, домыслы и прочую народную аналитику.

Впрочем, на человеческое сознание атмосфера информационной неопределённости действует удивительно раскрепощающе: так, на волне обсуждений вероятного второго фронта в 1942 году искусствовед Абрам Эфрос внезапно признаётся Иванову, что снова пишет

В ОБЩЕМ, ДЛЯ ФЕЙКНЬЮС НЕ НУЖНЫ ИНТЕРНЕТ И СОЦСЕТИ, РАНЬШЕ ЭТОТ МЕХАНИЗМ ПРЕКРАСНО РАБОТАЛ НА САРАФАННОМ РАДИО И БУРНОМ ВООБРАЖЕНИИ.

лирические стихи, причём антисоветские. А через некоторое время даже зачитывает их писателю.

Также приходили свидетельства с мест: поэт Виктор Гусев передаёт — в форме складывающейся легенды — рассказ раненого Константина Рокоссовского о том, как обороняли Москву в 1941 году; поэт Микола Бажан сообщает о группе детей, которых партизаны спасли из колодца, куда их бросили венгерские солдаты; художница

Евгения Ливанова ссылается на только что вернувшегося с фронта Сергея Михалкова, объявляя о недавно начавшемся новом наступлении немцев. (В середине войны такие перерассказы исчезли из дневника, так как их заменили непосредственные наблюдения самого Иванова, оказавшегося в качестве военного корреспондента в прифронтовой зоне.) Однако местами проскакивают и неожиданные повороты темы: «Вечером сидели с К. Фединим, — за графинчиком. Победа под Сталинградом даже и его прошибла, хотя он её и пытается умалить тем, что, мол, это в сущности не фельдмаршал, а фашистский ставленник, что, мол, дали ему звание за героизм, а то, что они сдались, — на европейский вкус, — не имеет значения: они защищали захваченный ими Сталинград!.. До чего же русский человек, пожив немного в Европе, и научившись говорить по-немецки, способен унижаться, — впрочем, сам не замечая этого, — дабы казаться европейцем. А ведь Федина и талантливый, и умный»⁵ (3 февраля 1943 года, среда).

И вот ещё одно свидетельство — вечерний разговор всё с тем же Гусевым. Иванов делает из этой беседы чуть ли не дайджест. Разбивает пересказ на пункты, раскладывает всё по полочкам. Вначале Гусев вкратце излагает речь Гитлера, которому «нужны хлеб, уголь и нефть», а затем делает резкий финт, что на волне панических настроений, «исходя, видимо, из этих слов, московские писатели — в частности Фадеев и Катаев — пьют без просыпа... Катаев пьёт так, что даже Фадеев должен был ему посоветовать уехать на время: „а то за тобой уже посматривают“»⁶ (17 декабря 1942 года, четверг).

Горячительные напитки — отдельный маркер, если не сказать стихия, этих вечеров. Они полноправные участники симпозионов. Разве что сами не го-

пить только бутылку вина»⁸ (4 декабря 1942 года, пятница); «Ливанов — о Западе, о кино, о том, что человек Запада противопоставляет себя миру, а мы, наоборот, растворяемся в мире. И тут же рассказал о том, как они пили в Саратове, на какой-то базе, красный ликёр, закусывая его копчёными язычками»⁹ (1 ноября 1942 года, воскресенье); «...они поняли намёк — для них Эрэнбург не поставил на стол вина, а меня даже угостил коньяком»¹⁰ (12 декабря 1942 года, суббота). Или вот редкий дневной симпозион: «Пили пиво. Затем стали вспоминать, где какое пиво и какие были вина и закуски. Смотрю я на свою жизнь — и удивительное дело — только и вспоминаешь о хорошем. Сколько лет разрушаем и всё никак не можем разрушить!»¹¹ (2 июля 1942 года, четверг).

Однако топливо для задушевного разговора ещё надо достать, даже литературный генералитет ощущает серьёзную нехватку: «Были Толстой, Леонов, Федин, — и родственником. Ужин, — слабоватый, конечно, два графинчика водки и две бутылки вина». А дальше без паузы и перехода Иванов совсем уж не мягко прикладывает коллегу по цеху: «Леонов, важный, опухший, рассказывал о бане, что он рассказывал уж сотни раз. Это

не значит, что не наблюдательный — но он так жаден, что не передаёт своих наблюдений, боясь, что украдут. Поэтому, для внешнего употребления у него есть — баня, кактусы, и обработанные наблюдения, которые он уже вложил в романы»¹² (28 марта 1943 года, воскресенье). По неряшливости

ПО СТИЛЮ, ОПИСАНИЯ ЭТИХ ВСТРЕЧ СЛОВНО КОРОТКИЕ, ТЕЛЕГРАФНО-ОЧЕРКОВЫЕ — В ДУХЕ РАННЕСОВЕТСКОЙ ПРОЗЫ — ВЕРСИИ АНТИЧНЫХ СИМПОСИОНОВ

этого фрагмента, с бросающимися в глаза повторами, видно, что писалось быстро — даже для дневника, — пока раздражение не отступило. Как топором рубил. Аффект, впрочем, в профессиональной сфере Всеволод Вячеславович сдерживать никак не мог. И ничего удивительного: главные баталии в этой книге, не только в рамках симпозионов, связаны с литературой.

Так, Иванов повествует о том, как однажды гостил у корреспондента «Правды» во время пребывания в Ташкенте. Помимо рассказа о борьбе с бандитизмом, вышли на тему писательские. Тут как раз автор дневника намеренно отключил прямую речь (и как видно в случае Федина и Лео-

нова, это всегда не к добру): «Днём он был у А. Ахматовой, причём даже не знал, что это такой замечательный поэт. Парень удалой, в нашей атмосфере — как рыба в воде. <...> В голове его смесь „правдивости“, „национализма“, „уважения к литературе“ и презрения к писателям, делячества,

стремления „разоблачить“ и бог знает чего!»¹³ (11 октября 1942 года, воскресенье). С такими качествами не потерается среди пишущей братии — и в признании этом удивительная смесь симпатии и неодобрения. Да и, кажется, не столько о безымянном корреспонденте речь, сколько обо всех вообще, включая и самого Иванова. По отношению к себе он довольно честен и не стесняется приложить себя наравне с остальными.

В воскресенье, 1 ноября 1942-го, в гости к Иванову пришли писатели и артисты кино, и разговор изрядно закрутился: вначале с быта на литературу (Пастернак утверждал, что последний не существует, «нет для неё

Кураж на фоне брежневского брутализма

Рисунок Кати Гушиной

Помню, в сорокинском сценарии «Москва», который все, кто надо, прочитали в 1997 году в журнале «Киносценарий», меня поразила одна сцена — и это не та, где человека, как шину, надувают ножным насосом (хотя ладно — эта тоже). А в той сцене персонажи (Марк и Ирина) вспоминают одну забаву, относящуюся к позднему СССР. Суть её такова: трое друзей в четыре утра садились каждый за руль своего автомобиля и ехали гуськом, при этом зажав между бамперами по картонной коробке. Проехать надо было всё Садовое кольцо на скорости 120 км/ч, не уронив коробки. Сам Марк охарактеризовал это дело так: «Да, был такой стиль жизни. художе-

ственное вождение».

Поразила же меня эта сцена тем, что Сорокин очень точно и лапидарно описывает кураж советского интеллигента, которому ещё неведома постмодернистская ирония и для которого даже забава должна быть крута, как кияток на Курском вокзале. И тогда же мне сразу вспомнилась батина история, случившаяся в поздних 70-х и образно аналогичная сорокинской. Папиному другу писателю Мите Дурасову нужно было переместить старинный ампирный диван из одной квартиры в другую. По соседству, недалеко, но всё же. В помощь Митя позвал собственн папу, который был не только художником, но и штангистом, и Ку-

зю — сенсея по карате. Операция по перемещению была назначена на ночь, видимо во избежание помех в виде пешеходов. Когда диван оказался на Сущёвском Валу, друзьям стало скучно, и они решили придать процессу художественную осмысленность. Для этого Кузя с папой велели Мите — а он всегда был весьма корпулентным мужчиной — лечь на диван, принять барственную позу и закурить трубку. И вот уже таким образом диван триумфально пропутешествовал из Марьиной Рощи до Савёловского вокзала.

Суровость, с которой осваивало досуг поколение отцов, меня одновременно завораживала и удивляла. Примерно так же, как избыточная, но при этом единственно возможная манера исполнения песен Владимиром Семёновичем.

Как-то, в начале 80-х, родителям принесли на одну ночь настольную игру «Риск». Это было событие: коньяк, узкий круг приглашённых, игра

условий и хотя бы небольшой свободы»¹⁴), потом перешёл на философию и войну, а дальше — кто о чём. Бажан же выразил разочарование позицией Пастернака: ну да, «редактора стало глупее... но разве можно сейчас думать только о литературе? Ведь, неизбежно, после войны всё будет по-другому». Часто, в разные эпохи такое можно было услышать. Тут-то Всеволод Иванов и не сдержался. Ответил. «Слесарь и во время войны должен думать о слесарной работе, а писатель тем более». А следом, поняв глубину сентенции, шутит: дети пришли чинить отопление, стучат в дверь и говорят: «Это мы, слесаря».¹⁵

1. Иванов В. В. Дневники / сост. М. В. Иванов и Е. А. Папкова, предисл. и комм. Е. А. Папкова, М. А. Черняк. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. 492 с.
2. Там же. С. 195.
3. Там же. С. 262.
4. Там же. С. 295.
5. Там же. С. 254.
6. Там же. С. 136.
7. Там же. С. 96.
8. Там же. С. 129.
9. Там же. С. 179.
10. Там же. С. 218—219.
11. Там же. С. 101—102.
12. Там же. С. 300.
13. Там же. С. 157.
14. Там же. С. 179.
15. Там же. С. 180.

ются, а как минимум художественный манифест сочинять будут.

Ну, собственно, это и был манифест, манифест стиля жизни. Брежневский брутализм в режиме досуга.

А ещё Володя Французов умел разливать водку с завязанными глазами, по булькам. Папины друзья запарились и устроили контрольный разлив — надо ли сообщать, с какой степенью серьёзности? — оказалось ровно, вплоть до сотой миллилитра.

А ещё папа в гостях на спор сжал большой и указательный пальцы, смазанные циакриновым клеем, который кто-то привёз из-за границы. За столом он орудовал одной левой, а дома разделил пальцы лезвием.

А ещё они любили сверху горы варёных раков положить одного живого, но смоченного водкой, отчего тот тоже становился красным. Ну и в какой-то момент водочный рак начинал шевелиться, вместе с волосами впечатлительных дам.

А ещё у нас жила раненая сова Варвара. Она сидела спокойно на шкафу и иногда мигала. Когда приходили гости, важно было ни в коем случае не сообщать тем, кто впервые у нас, что сова живая. И вот когда после третьей вдруг сова мигала, новый гость испытывал что-то вроде психоделического трипа.

А за прерванный невпапад рассказ или даже анекдот можно было и в морду получить.

История катком проехала по этому поколению. Кто-то умер, кто-то забухал, кто-то освоил не только постмодернистскую иронию, но и рыночную экономику. Но тот мир их пусть и непонятен, но по-прежнему завораживает.

Денис Крюков

Рисунок Кати Гушиной

длится всю ночь, а главное — атмосфера тотальной серьёзности, как будто они не в настолку резаться собира-

Наука, религия и всё-всё-всё: как в СССР уживались официоз и нетрадиционные практики

О том, как организовывали в советское время свой досуг люди, увлекающиеся всевозможными эзотерическими учениями и оздоровительными практиками, не понаслышке знает Каринэ Александровна Диланян, кинорежиссёр и сценарист, член Союза кинематографистов СССР и РФ, преподаватель Академии мировой астрологии и метаинформации. В частности, она рассказала...

...ПРО ЭКСТРАСЕНСОВ И ТАЙНЫЕ ЗНАНИЯ

С конца 1970-х я участвовала в одной подпольной астрологической группе. К тому времени у меня уже сформировался интерес к астрологии благодаря увлечениям моего мужа Бориса Евгеньевича Бойко. Он по образованию биолог, работал в различных научных организациях, в том числе в лаборатории биоинформации при радиообществе имени А. С. Попова — это была закрытая организация, с которой сотрудничали различные экстрасенсы и другие сверхчувствительные люди. Борис Евгеньевич работал в отделе, изучавшем влияние экстрасенсорики на биологические объекты, и познакомился там со многими деятелями так называемого эзотерического подполья. Но и до этого он с ранних лет увлекался йогой, затем занялся карате, китайскими боевыми искусствами — и всё это на фоне нашего общего интереса к вещам закрытым и запретным, к которым также относились нумерология, карты Таро и всё-всё-всё. А для меня личным якорем тогда стала астрология.

...ПРО БИБЛИОТЕКИ

Открытой информации обо всём этом не было, и её приходилось добывать через различные каналы. Так, у Бориса Евгеньевича был сосед по даче, который интересовался йогой, индийской философией, санскритом и так далее. Этот парень, сын профессоров из Академии педагогических наук, имел пропуск в закрытый отдел Ленинской библиотеки, где ему удалось найти, как он рассказывал, рукописи или вручную отпечатанные тексты на санскрите и на тибетском языке с грифом канцелярии Третьего рейха, которые попали к нам после Великой Отечественной войны. Там же были на спецхранении книги, которые привозили из-за рубежа. И он, получая одно из таких изданий на руки, читал его какое-то время, затем засовывал под рубашу и за ремень и выходил якобы покурить. Его не проверяли: человек был хорошо прилежливый. Он шёл в Александровский сад с книгой и читал там, курил, но мог при этом её быстро скопировать. Потом увлёкся православием, и через него пошла уже христианская литература...

Ещё один источник — дореволюционная литература, её особенно много хранилось у старых теософов, у некоторых оставались целые тео-

Каринэ Диланян с Андреем Битовым работают над сценарием к фильму «Птицы». Примерно 1985 год

софские библиотеки. Так и отец Бориса Евгеньевича, доктор психологии, с юности интересовался гипнозом, телекинезом, и в его домашнем собрании хранились дореволюционные книги типа «Как научиться гипнотизировать людей» и прочие. Отец с юмором показывал ему эти раритеты, Борис изучал их, пытался увидеть ауру и тому подобное. Хотя первым его якорем стала йога: в детстве отдыхал у родственников в Литве, и как-то ему попалась местная «Наука и жизнь», на литовском языке, с фотографиями йогических асан. Он начал их повторять: заплывал на остров посреди реки и там занимался. Позже уже в «Науке и жизни» на русском языке стали публиковать материалы лингвиста Анатолия Зубкова, который немного трансформировал йогу под себя.

...ПРО «ВЫЕМКИ» И ИНДУСТРИЮ КСЕРОКОПИРОВАНИЯ

Однажды школьный товарищ, у которого отец был офицером КБГ, принёс Борису книгу одного из известных современных йогов, Свами Вишнудевананды, на английском языке. Тот сначала не понял откуда, а позже догадался: это результат «выемки».

Тогда практически в каждой эзотерической группе, в каждом кружке обязательно оказывался человек, так или иначе связанный с органами. Но зачастую эти люди работали на обе стороны: они передавали списки занимающихся в соответствующую контору, но и предупреждали всех участников группы о том, когда будет «выемка» (изъятие литературы) и проверка особо активных — что они читают, не распространя-

ют ли ксерокопии. Обычно рекомендовали такие книги убрать из дома, вывезти на дачу.

Иметь ксерокопии считалось противоправным — сразу можно было получить обвинения в незаконном использовании копировальной техники и в распространении антисоветской литературы и ещё ряд статей в довесок. Это была довольно опасная деятельность, но люди, которые этим занимались, были «золотыми»: на них можно было положиться. Они копировали книги по йоге, теософии, астрологии, «Розу Мира» Даниила Андреева — всё то, что сегодня есть в свободном доступе. Тогда аппараты для копирования были огромными, занимали целую комнату и размещались, как правило, в первых — засекреченных — отделах. Любая работа на них контролировалась и требовала разрешения сверху.

В наших кругах было известно, что один «из наших» собрал из списанных запчастей ксерокс и поставил у себя за городом. Имея доступ к расходным материалам, он печатал в основном именно астрологическую литературу. Она дорого нам обходилась: одна страница стоила примерно копейку, но на первом этапе. Книга в 200 страниц уже два рубля. За десять книг — двадцать рублей, и это хороший, стабильный заработок. Но далее такие книги попадали распространителям, и каждый из них набрасывал ещё несколько копеек, в итоге ты получал книгу, где страница шла уже за десять копеек, и, соответственно, вырастала общая стоимость. Поэтому важно было оказаться как можно ближе к первоисточнику, чтобы книга оказалась дешевле.

Но читать такие разрозненные

листы было неудобно, тут требовался переплётчик, чьи услуги тоже отдельная история. То есть вокруг наших увлечений кормились очень многие люди, и часто только этим и жили. Это была целая индустрия, у них можно было заказать практически любую книгу и через пару недель получить её копию.

...ПРО КАНАЛЫ ПОСТАВОК, ТОЧКИ БИФУРКАЦИИ И... ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

Астрологическая литература попадала в СССР, во-первых, через «Белое Братство» — группу эзотерического христианства болгарского извода, основанную Петром Доновым. Она изучала психологическую астрологию, и через неё к нам шли книги, например, современных астрологов и теософов Алана Лео и Дэйна Радьяра.

Затем мощный эзотерический кулс был в Риге, поскольку она ещё в 1930-х стала центром изучения наследия Рерихов: там жили люди, которые поддерживали связь в основном с Еленой Ивановой Рерих и придерживались учения «Живой этики». В послевоенный период именно от них к нам поступала вся литература этого рода.

Также некоторые из тех, кто выезжал за рубеж: дипломаты, журналисты, люди искусства, — привозили соответствующую литературу. Она тут же шла на многократное ксерокопирование, и счастливы были те, кому удавалось получить одну из первых копий, потому что последующие копии копий оказывались практически нечитабельны.

Были и точки бифуркации, одна из них — редакция журнала «Наука и религия», объединившая неортодоксально мыслящих редакторов, для которых наука и религия были разными сферами деятельности, не подавляющими друг друга. Мы лично дружили с редактором Валентиной Пазиловой — через неё шла литература, вокруг неё собирались определённые группы людей, очень активно там проявился Виктор Пелевин. В целом там был такой питательный бульон из людей, текстов, идей, занятий и обсуждений.

...ПРО КАРАТЕ И КОНСПИРАЦИЮ ВКП(б)

Интерес Бориса Евгеньевича с йогой переключился на карате, группы по его изучению тогда начали появляться в Москве. Это позже их руководителей привлекли за нетрудовые доходы. А первым мастером у мужа стал легендарный Юрий Вдовин.

Группы часто распадались из-за проблем с залами: найти место для занятий было сложно. Обычно договаривались с руководством школы, но

чаще — со сторожем, который за плату открывал дверь в спортзал. Но всё это было очень ненадёжно, такие лазейки быстро прикрывали. Поэтому чаще выезжали на занятия в подмосковные леса, и они продолжались вплоть до ноября или до первого снега. Пока таких групп было немного, на это смотрели сквозь пальцы, но позже, по мере роста популярности, их стали увязывать с нетрудовыми доходами и криминальными структурами и взыли под довольно жёсткий контроль.

Но муж всегда соблюдал конспирацию: нигде и никогда не оставлял свой телефон, в крайних случаях давал номер контактного человека. И никто не знал даже его фамилии — Боря, и всё. В итоге, когда несколько групп попали под контроль органов, его в списках их участников не оказалось. Сказались и природная осторожность, и следствие изучения истории ВКП(б), уроки подпольной борьбы большевиков не прошли даром: мы же все на этом выросли, и элементарные навыки конспирации позволяли годами заниматься запрещёнными дисциплинами, и никто про тебя ничего не знал.

Да и Борис никогда ни с кем не вступал в конфронтацию. Он как-то ехал в метро и читал ксерокопию книги по йоге Раджниша, и к нему подошёл человек определённой наружности — тогда сразу понимали, откуда такие люди. Подошёл и спросил, а что вы читаете? Борис показал титульный лист. «Это индус?» — «Да, индус». — «Ну, читайте, читайте». И ушёл. Разумеется, если бы это была книга издательства «Посев» или «Архипелаг ГУЛАГ», то и последствия были бы другими. А дружественных СССР индусов читать не возбранялось в любом виде.

...ПРО ПЕРВЫХ КРИШНАИТОВ

Но не всех индусы спасали: когда в стране появилось движение кришнаитов, его первым адептом стал Анатолий Пиняев, которого рукоположил лично Прабхупада. Борис с ним познакомился в лаборатории биоинформации. Так вот, для чтения махамантры, которую надо читать до рассвета, Борис с приятелем ходил пешком ночью через всю Москву к дому Пиняева. Лишь один раз их остановил милиционер, да и то из-за вида: они были в штормовках и сапогах. Но у Бориса было удостоверение дружинника лесного надзора, и их отпустили. Но занятия у кришнаита продолжались недолго: Пиняев оказался человеком конфликтным. Такая акцентированная личность — «нормальный псих», как называл его Борис, и он в конце концов попал в психушку как обычный пациент, а не вследствие мер карательной медицины. Хотя позднее некоторые кришнаиты оказались и под судом из-за своей активности.

...ПРО ПОДПОЛЬНЫЕ ГРУППЫ

Подпольные астрологические группы собирались в Москве с конца 70-х — самыми активными в них уже тогда были Павел Глоба, Александр Зараев и Михаил Левин. Были и другие, но все они затем как-то растворились и в постсоветский период себя не проявили.

Я попала в группу Зараева, и очень смешно: Борису Евгеньевичу сказали, что собирается группа, в которой будут продавать эфемериды — астрологические таблицы с указанием расположения планет на каждый день, которые необходимы для построения персональных карт. Мы к тому времени уже довольно много всего прочитали, с грехом пополам могли построить гороскоп, но строили с помощью астронимических таблиц, которые надо было конвертировать в астрологические координаты — это довольно трудоёмкая процедура, и эфемериды нам были необходимы.

Борис Евгеньевич записался в группу, ходил на занятия, а эфемерид всё не было — в таких делах нужно терпение, предупреждал он. Но занятия астрологией накладывались на его занятия по карате, и надо было выбирать. Тогда он спросил разрешения у Зараева, чтобы вместо него приходила я и вела конспект лекций. Вместе посещать было накладно: одно занятие по астрологии стоило десять рублей, плюс десять — карате, а ещё нужно было покупать ксероксы. И как-то Зараев, объясняя тему, стал подскивать слово, которое точно бы охарактеризовало проявление Юпитера в определённом знаке. И я ему это слово подсказала. Он так посмотрел: «А вы кто?» — «Я Борина жена, он сейчас не может, я за него». —

Борис Бойко в горах в ледяной пещере. Примерно 1971 год

«А почему вместе не ходите?» — «Нам дорого». И он разрешил нам за один червонец посещать занятия вдвоём. У Зараева был очень хороший канал поставки литературы, он целыми рюкзаками привозил на занятия отпечатанные тексты...

Занятия проходили на частных квартирах, которые предоставлял кто-нибудь из участников группы. Например, первые занятия с моим участием шли в мидовском доме на Комсомольском проспекте — мы сидели в гостиной за большим столом с чаем, печеньем и баранками. Зараев читал лекцию, мы её конспектировали. На одно занятие приходили десять, редко пятнадцать человек, не больше. Мест их проведения постоянно менялось из-за уже упомянутых доносчиков. Так, следующий цикл занятий шёл уже в адмиральской квартире моей подруги на Ленинградском проспекте. При этом никто никогда не знал, пригласят его ещё раз или нет. Но если пригласили, это означало, что ты в списке доверенных лиц.

...ПРО ТАЙНЫЕ КОНСУЛЬТАЦИИ И ПЕРВЫЕ ЛЕКЦИИ

У Зараева мы занимались около двух с половиной лет — затем группа как источник информации перестала нас удовлетворять. Эфемериды мы получили и собрали определённый запас литературы, научились интерпретировать карты и начали работать самостоятельно. Люди, зная наш интерес к астрологии, просили нас проконсультировать, но тайком. То есть всегда были третьи лица, которые передавали данные, а мы с такими заказчиками не встречались. Но всё это продолжало оставаться хобби, нам просто было интересно. Да и никто тогда не воспринимал это как серьёзную работу — так, баловство и полублажь.

А на излёте 80-х, когда многое стало возможно, нас начали приглашать с открытыми лекциями. Мы тогда сразу пошли к Зараеву с вопросом, можем ли мы уже выступать сами? А он в ответ: зачем вам куда-то ходить, читайте у меня — он к тому времени уже открыл свою школу при ДК МИСИС. Там был зал минимум на 150 человек, и это была наша первая аудитория. К тому времени я сняла первый фильм об астрологии «Ключи судьбы», и мы показали его здесь же — ажиотаж был таков, что в ДК буквально снесли двери.

Борис Бойко в горах в ледяной пещере. Примерно 1971 год

...ПРО ЭКСТРЕМАЛОВ, УЧИТЕЛЕЙ И ЗДОРОВЬЕ

Оздоровительные практики также были популярны в интеллигентной среде. На «Центрнаучфильме», где я тогда работала, многие режиссёры и ассистенты интересовались такими методиками, было много вегетарианцев. Кто-то ел морковь до оранжеевения, а кто-то увлекался православием, даже члены партии. Никто это не афишировал: если человек об этом не говорил, то и ты у него не спрашивал, чтобы не подводить друг друга. Но все знали, кто чем занимается. Уже во ВГИКе, куда я поступила в 1977-м, мне давали ксероксы по астрологии, зная, что я этим интересуюсь.

Немало людей занималось экстремальными системами. Например, много было поклонников Порфирия Иванова, голого старца в чёрных трусах до колен, в подшитом кармашке к которым лежал мандат чуть ли не от Луначарского. Чтобы попасть в группу Иванова, нужно было сказать кодовое слово

«Учитель». Он часто приезжал в Москву из Луганской, тогда Ворошиловградской, области, и здесь можно было пройти у него обряд посвящения: ставил человека под душ в ванной и начитывал над ним какую-то молитву. Такое посвящение принял и приятель Бориса, с которым они до этого ходили к кришнаитам. И Борис тоже увлёкся ивановской системой: обливался холодной водой, ходил босиком. Он вообще тогда много занимался такими самоистязаниями, на полную катушку выполняя все указания учителей. Так, увлекаясь одно время Раджнишем и его дыхательными упражнениями, он получил эмфизему лёгких и несколько лет страдал от неё, пока не вылечил уже другими практиками.

...ПРО СПИРИТИЗМ И МИТРОПОЛИТА

Во ВГИКе историю искусств нам читала Паола Волкова. Увлекающаяся различными экзотическими идеями, она порой рассказывала неподобающие вещи. Например, на одной лекции завела речь про спиритизм и столоверчение. Тогда во ВГИКе, одновременно с нашим курсом, но на сценарном отделении, учился будущий митрополит Тихон Шевкунов. Как-то на лекции спросил у Паолы Дмитриевны: а что, правда можно вызывать духов? Правда, говорил, только не увлекайтесь. Он достал какие-то книги и стал практиковаться в нашем вгиковском общежитии. И до того довызывался, что впал в депрессию. И это, видимо, убедило его в том, что есть какой-то иной, тонкий мир, заинтересовался им и через это увлечение пришёл в РПЦ.

...ПРО БИТОВА И ЗОДИАК

В середине 80-х я снимала на «Мосфильме» картину по сценарию Андрея Битова, в основе которого была его же повесть «Птицы, или Новые сведения о человеке». И оказалось, что он увлекается астрологией: всё пытался сгруппировать писателей по знакам зодиака, искал какие-то параллели и в целом хотел что-то для себя в этом понять. Я смотрела его гороскоп, обсуждала с ним его карту, и он хотел, чтобы мы вместе над этой темой ещё поработали. Но потом начались такие события, что стало и не до кино, и не до астрологии, и нас надолго развело в разные стороны...

...ПРО ХОББИ, СТАВШИЕ ПРОФЕССИЕЙ

В 1991-м наша прежняя жизнь, хорошая ли, плохая, но кончилась. Кино перестали финансировать, и в один прекрасный день я легла спать режиссёром, а проснулась астрологом. Мне тогда повезло: моими первыми клиентами стали гости из-за рубежа — я окончила английскую школу, хорошо знаю язык и сразу заработала репутацию астролога, у которого консультируются иностранцы. А Борис стал вести школу боевых искусств — и всё, что было нашим досугом и хобби, стало нашей профессией...

Записал Сергей Лебедев

*ВЫЧИСЛЕНИЕ ДОЛГОГО ЗИМНЕГО ВЕЧЕРА

Рисунок Романа Сакина

«ХОРОШО И СТЫДНО»

Об аспектах сексуального в советской антисектантской художественной литературе рассказывает Михаил Климин, основатель «Общества распространения полезных книг».

ко в каждой из них развивается схожий конфликт. В фундаментальном смысле основным конфликтом оказывается символическое противостояние света и тьмы. Свет ассоциируется с советским обществом — морально правильным, хотя и совершающим ошибки на пути своего становления, современным, направленным в будущее стремлением коллективных помыслов. Светлой жизнь оказывается и буквально: образ лампочки и электрификации присутствует в большинстве книг. Под тьмой подразумевается мир прошлого, куда упозают те, кто не может быть устремлён к свету. Образы тьмы щедро наполняют книги, не случайно в них постоянно фигурирует слово «паутина», а антигерои прячутся в тёмных подвалах, где их преступления скрыты от человеческих глаз. На границе этих двух миров и происходит конфликт. Тема конфликтов в повествовании может быть расширена указанием на иные формы противостояния: индивида и коллектива, мировоззрения, жизни для общества и жизни для религиозной общины.

Тема сексуальных отношений героев не является основной в повествовании, однако на периферии совершаемого сектантами физического и психологического насилия весьма рельефно проступают контуры сексуальных отношений.

Главные герои антисектантских текстов — это девушки и юноши. Им начинать нравиться один из персонажей, и они погружаются в рефлексию влюблённости. Однако в таких случаях, как правило, оказывается, что любовь невозможна в силу мировоззренческого конфликта. Столкновение двух миров — советского и сектантского — становится помехой в любви. По логике закрытых сообществ, браки должны быть распределены между участниками общины.

Антрополог Арнольд ван Геннеп в своей книге «Обряды перехода» опи-

сывает половой акт как «акт единения и идентификации». В случае антисектантской литературы можно было бы сказать, что сексуальное влечение между героями приводит ровно к противоположному — социальному разъединению и взаимному непониманию. Герои, поддавшись любви и влечению, оказываются по разные стороны двух миров, что, как правило, приводит к трагической развязке повествования.

Как я уже отмечал, в настоящее время не существует полной библиографии антисектантской художественной литературы и количество текстов точно не установлено. Однако мы можем увидеть стройную систему сексуального поведения героев. В плане естественных взаимоотношений и влечения между персонажами это напоминает классическое соцреалистическое повествование, однако существенно различается итогом. В антисектантской литературе контакт представителей двух миров приводит к конфликту и непониманию, что логично ведёт повествование к трагедии. Со временем, когда исследователи начнут более подробно изучать советскую антисектантскую прозу, картина сексуальных взаимоотношений персонажей существенно обогатится.

Принято считать, что в советской литературе (впрочем, как и во всём Советском Союзе) секса не было. Вот три примера из официальной советской прозы, явственно опровергающие это мнение.

ЛАЗАРЬ КАРЕЛИН, «ЗМЕЕЛОВ» (1980—1981)

Различные жулики, торгаши и спекулянты — не новые персонажи для советской прозы. Однако у условной Веры Пановой или, бери выше, Всеволода Кочетова они однозначные изгой общества, пусть и при барыше — на них разве что пальцем не показывают. У Карелина же чуть ли не обратная задача. Его прорывной, несмотря на одновременно избыточный и соскакивающий стиль, роман — попытка говорить изнутри, по-свойски. Мир торговых махинаций по-прежнему порицаем, но не в лоб, не априорно. Автор признаёт вполне ощутимую соблазнительность даров этого мира. И один из них — это стабильно случайные интимные связи. И раз уж автор говорит с читателем с позиции «своего», то и о подобных связях он должен писать открыто, так, чтобы не киксануть.

КОНСТАНТИН СИМОНОВ, «ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО» (1971)

Все части трилогии «Живые и мёртвые» заметно отличаются друг от друга по стилистике и даже по оптике. И в третьем томе, «Последнем лете», автор концентрируется на психологической фиксации состояний нам уже хорошо знакомых героев. И моменты интимной близости Тани и Синцова очень важны для шестикратного лауреата Сталинской премии Симонова. Да, они далеки по фактической открытости от прозы, скажем, Сорокина, но Симонов, даже не называя вещи своими именами, а лишь давая эмоциональное описание интима, всё же заставляет краснеть преданного читателя.

ЮРИЙ ТРИФОНОВ, «ВРЕМЯ И МЕСТО» (1980)

В прозе Трифонова поражают две вещи: удивительно уместная дистанция по отношению к историческим событиям и уравнивание по значимости воспоминаний о блеске «металлической ручки на спинке трамвайного сиденья» и о ключевых поворо-

Предварительный список литературы:

Андреев, В. А. *Незванный гость : повесть. Поединок : записки следователя / ил. П. Карчевский.* — Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1965. — 311 с. : ил. ; 17 см.

Дидусь, В. И. *За семью замками : роман / В. И. Дидусь, К. М. Константинов ; ил. В. М. Мелещенков.* — Днепрпетровск : Промінь, 1975. — 302 с. : ил. ; 20 см.

Евдокимов, Н. С. *Грешница : повесть.* — М. : Сов. Россия, 1961. — 124 с. ; 18 см. — (Короткие повести и рассказы).

Макаров, А. П. *Паутина : из записок следователя.* — 2-е изд. — Пермь : Кн. изд-во, 1963. — 184 с. : ил. ; 21 см.

Попов, В. М. *Дорогой ценой : повесть.* — Воронеж : Центрально-Чернозёмное кн. изд-во, 1964. — 144 с. ; 20 см.

Черноусов, А. Т. *Чужие : повесть / Анатолий Черноусов.* — Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1979. — 175 с. ; 21 см.

тах судьбы. Его повествование не сравнил с потоком только ленивый, но, что поделаешь, это действительно так. И в этот поток воспоминаний вмещается вся жизнь, в том числе и моменты физической близости. А коль скоро «Время и место» принято ассоциировать с затроганным словом «исповедальный», то и про интимные сцены здесь написано предельно честно, хоть и с всё той же, единственно возможной дистанцией.

знаменитым и повлиял на литературу и на поп-культуру, когда появился сериал с Элизабет Мосс (первые пару сезонов были прекрасные). Короткий, злой, очень сильный, кричащий, отчаянный роман. Очень надеюсь, что мы доберёмся до того времени, когда этот сюжет, все эти образы, все эти ситуации перестанут быть актуальными, и «Рассказ служанки» останется просто хорошей классикой мировой литературы для чтения.

29 НОЯБРЯ — ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

Я достаточно много времени провела в городе Астрахани, делая там благотворительный культурный проект. Так получилось, что Астрахань — город, не избалованный писателями и вообще литературным наследием. Но вот Велимир Хлебников по-прежнему остаётся самым важным создателем, может быть единственным представителем именно астраханского текста. И мне кажется, это всё чрезвычайно связано. Его заумь, математические исчисления, новые слова родились из пустого и гладкого пространства степи. А его работа со звукописью и снова создание неологизмов появились после опыта его пребывания в астраханском заповеднике и слушания там птиц. Вера Хлебникова, родная сестра, — грандиозная художница.

18 НОЯБРЯ — МАРГАРЕТ ЭТВУД

Маргарет Этвуд — каноническая писательница для теперь уже нескольких поколений писательниц, да и писателей. Её «Рассказ служанки» стал

ЧТО ПИШУТ

Переделкинские литераторы рассказывают, над чем сейчас ведут работу

Валерия Тёмкина

Драматург, резидент Дома творчества Переделкино, Санкт-Петербург

Сейчас я работаю над пьесой «Введенский. Солнце над Казанью». Пишу её в рамках краеведческо-драматургической лаборатории «Особняк. Исследование», которую курирует фонд «Живой город».

Недавно исследователям удалось доказать, что поэт Александр Иванович Введенский похоронен в Казани. По одной из версий, он умер в поезде, который вёз заключённых из Харькова, в декабре 1941-го. Потом его тело доставили в морг Казанской специализированной психиатрической больницы НКВД.

Моя пьеса о посмертии души, распадающейся реальности и том выборе, который делает поэт в России в любые времена. В ней есть место таким персонажам, как Бог, Время и Смерть, Хармс и Лобачевский, а также письмам и текстам самого Введенского.

Дни рождения с Евгенией Некрасовой

Писательница Евгения Некрасова из длинного списка литературных юбиляров ноября и декабря выбрала тех, кто ей близок, и коротко объяснила почему.

3 НОЯБРЯ — САМУИЛ МАРШАК

Для меня это автор огромной радости. Его тексты, фрагменты из них являются необходимой частью моей повседневности жизни. Просто непрямыми affirmationами. «Слушай, дурень, перестань есть хозяйскую герань». Очень люблю «Кошкин дом» и, в общем, остальные его вещи. Очень крутые у него переводы британской поэзии. В частности, стихок по духу толстяков в одном тазу, «Робин Бобин» и другие эти абсурдистские штуки.

9 НОЯБРЯ — ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

Я достаточно много времени провела в городе Астрахани, делая там благотворительный культурный проект. Так получилось, что Астрахань — город, не избалованный писателями и вообще литературным наследием. Но вот Велимир Хлебников по-прежнему остаётся самым важным создателем, может быть единственным представителем именно астраханского текста. И мне кажется, это всё чрезвычайно связано. Его заумь, математические исчисления, новые слова родились из пустого и гладкого пространства степи. А его работа со звукописью и снова создание неологизмов появились после опыта его пребывания в астраханском заповеднике и слушания там птиц. Вера Хлебникова, родная сестра, — грандиозная художница.

18 НОЯБРЯ — МАРГАРЕТ ЭТВУД

Маргарет Этвуд — каноническая писательница для теперь уже нескольких поколений писательниц, да и писателей. Её «Рассказ служанки» стал

Анастасия Гачева

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН, главный библиотекарь библиотеки № 180 им. Н. Ф. Фёдорова

Продолжаю собирать и издавать наследие своих родителей — литературоведа и культуролога Георгия Гачева и философа, литературоведа Светланы Семёновой, уникальной творческой пары. В юбилейный год Михаила Бахтина завершаю подготовку комментированной публикации переписки Георгия Гачева с автором «Проблем поэтики Достоевского». Готовлю расширенное издание книги Гачева о Чингизе Айтматове и научный сборник «Жизнь с Мыслью: Творческое наследие Георгия Гачева» по материалам прошедшей в 2024 году юбилейной конференции, посвящённой его 95-летию. К грядущему в 2026 году 85-летию со дня рождения Светланы Семёновой собираю книгу её избранных статей и интервью. Заканчиваю работу

над собственной книгой — «Образбудущего: версия русского космизма», которая выйдет в издательстве «Альма Матер» в начале 2026 года.

Владимир Куницын

Писатель

Готовлю новую книгу прозы. В ней будут собраны только художественные (не документальные) рассказы, повести и небольшой роман-притча. Сейчас дописываю несколько новых рассказов в эту самую книгу.

В целом книга о Любви, в восхитительно разнообразных её проявлениях. О необходимости Доброты как онтологической сущности человеческой жизни вообще. Это не отвлечённая болтовня об абстракциях, это моя вымученная личной жизнью аксиома.

И ещё подготавливаю к печати книгу воспоминаний о моём отце, Георгии Ивановиче Куницыне.

Назову некоторые имена, чьи тексты составят основу книги: Марина Тарковская, Владимир Костров, Евгений Ютушенко, Константин Ваншенкин, Юрий Любимов, Андрон Кончаловский, Леонид Зорин, Элем Климов,

том (это всегда авторское обычное решение), чтобы Ё в моих книгах оставалась.

10 ДЕКАБРЯ — НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ

Николай Алексеевич Некрасов — фигура, которая преследует меня всю жизнь, потому что, когда я была ребёнком и подростком, меня всё время спрашивали, являюсь ли я его родственницей, потомком и всё прочее. Меня это сильно раздражало. Потому что Некрасов, как и все авторы из классического канона литературного, который мы проходили в школе, казался таким скучным и навязанным. А когда я выросла... Ну, во-первых, меня сейчас перестали спрашивать про родство... Вообще, есть некоторое ощущение, что школьный канон перестал доветь над людьми. Меня даже периодически спрашивают в официальных учреждениях: Некрасова или Некрасова. Это, в общем, означает, что Николай Алексеевич уходит из канона, а жаль. Я очень люблю его тексты. В первую очередь за социальность. Он был одним из первых авторов, кто стал писать о социальном, ну, собственно, о неравенстве, о рабстве, то есть о крепостном праве. И он делал это удивительно. В манере вот этих своих поэм, фактически коротких, сконцентрированных романов. И он один из первых, кто стал писать о женщине, о женском опыте, о тяжёлом крестьянском опыте реалистично. И его героиня не жертва всё-таки, а обладающая своей субъектностью и характером, в «Кому на Руси жить хорошо» и не только. У меня есть роман «Кожа», где героини переживают тот же опыт, о котором писал он. Я чувствую, да, наше с ним вневременное родство.

14 ДЕКАБРЯ — ШИРЛИ ДЖЕКСОН

Через рассказ Ширли Джексон «Лотерея» я преподаю структуру сюжета, создание атмосферы, использова-

Б. Т. Добродеев, Игорь Виноградов, Сергей Есин...

Вот такие дела. Спасибо за внимание.

Илья Пронченко

Историк, исследователь, резидент Дома творчества Переделкино, Челябинск

В Переделкине я работал над книгой с рабочим названием «Воспитание пролетария», которая увидит свет в следующем году в программе «Гараж.txt». В ней хочу рассказать о том, как на новых индустриальных стройках Урала — в Челябинске, Магнитогорске, Свердловске — производились не только, скажем, трактора, но и специфический рабочий-горожанин.

В ходе резиденции я писал, освобождённый от быта, работал в архивах РГАЛИ и РГАЭ, ездил в РГБ за редкими локальными изданиями — и что немало важно, смотрел и впитывал, как пишут и работают другие. Дело в том, что вопросы стиля, «творческого ступора» или ощущения отсутствия среды важен и для историков, поэтому для меня это было мегаважно и по психологическим причинам. За это я очень благодарен организаторам и надеюсь сказать отдельное спасибо на презентации книги.

ние ритуала в литературе. Мне кажется, это один из важнейших текстов на свете. Его существование напоминает нам о том, что рассказ точно так же, как и роман, может стать классикой и может повлиять на всю мировую литературу. Если бы не было Ширли Джексон, не было бы Стивена Кинга как писателя, которого мы знаем. Я очень люблю фильм «Ширли» с Элизабет Мосс про Ширли Джексон, который рассказывает и напоминает о том, что ты можешь быть сколько угодно великой писательницей, но ты всё равно живёшь в мире, где все по-прежнему владеют мужчины, в том числе плодами твоего успеха.

16 ДЕКАБРЯ — ДЖЕЙН ОСТИН

Напишу честно, я не являюсь поклонницей Джейн Остин. Люблю сестёр Бронте, они мне больше подходят по духу, особенно «Грозовой перевал» Эмили Бронте. Это одна из самых любимых книг моего взросления. К сожалению, никто из сестёр Бронте не родился в ноябре или в декабре. А Остин позволяла себе невероятное по тем временам: будучи женщиной, писать, издаваясь, иронизировать над обществом и зарабатывать писательством. Ещё, все знают, что она создательница современного английского языка. Мне кажется, это ужасно круто, что язык создала женщина-писательница. У нас — Пушкин, а в англоязычной традиции это Джейн Остин.

27 ДЕКАБРЯ — АЛЕКСЕЙ ПОЛЯРИНОВ

Я так понимаю, что из этого списка авторов, которых я отобрала, Алексей Поляринов единственный мой ровесник и автор, которого я знаю лично. Лёша очень хороший человек. И хороший писатель. Он уже давно говорит и пишет об очень важных вещах в своих эссе и фикшен, в частности в романе «Кадавры».

Мишка-Кочерыжка (шахматный псевдоним Миши Ле Жень). Москва, 1964. Фото Юрия Лежень

e4-e2

Художник Миша Ле Жень поделился с нами отрывками из своих дневников, которые демонстрируют взаимодействие шахмат с художественными практиками и человеческой судьбой.

Едва-едва научаешься e2-e4, понимаешь, вот она — битва навсегда! радость аминокислот обоих подшарий. Шахматы — те же солдатики… но обнаруживаешь однажды: ты играешь в них, а они — в тебя… Дробью-орехами сыпятся на стол пахнущие лаком — только из магазина — таинственные фигурки, принесённые отцом. Десятиэтажка на Самотёке, где мы живём на рубеже 50-х — 60-х в одном подъезде с космическим Королёвым… гоняем с ним в громяхающем лифте, его квартира — над нашей через этаж. «Шахматы — как жизнь, и каждая судьба — партия», — говорит отец, показывая, как двигаются фигуры, скачут кони. И долго не могу заснуть, представляя себе ферзя, летящего по кругу… ведь сказано, ходит, как хочет.

Брать ход назад — а-йя, нельзя! правило. Да только ходики — цок-цок — с двумя циферблатами и красными флажками чеканят не в безвоздушном пространстве. Поставь рычажок на паузу, щёлкни фотовспышкой — и живой эпизод замирает со своим сюжетом… чей-то неумелый гамбит сотрясается рокотом взлетающего самолёта, а рокировка в длинную сторону сопрягается с разводом у белых или сменой мировоззренческой конституции в стане напротив. И тут уж ничего заторного отмотать к началу партии целлулоид времени… ведь все ходы записаны.

8 января 2006, воскресенье, дом с видом на Волгу

Чтобы встретить Новый год, достаточно еловой иголки. Для муравья это целое дерево. Вспомнил, как Минов забросил нас с П. А., Анной и Мовой в какой-то сказочный туман, из которого, как лайнер из туч, спускались на лыжах в сверкающую долину — с рекой, снегами и *десятью отдысающими Брейгеллями*. Ночь, гриль, баня, купание в снегу… и румяные посланницы Тулузы поют *a cappella* у камина. Солнечное утро

и простоты, лёгкости и популярности, структурной свежести и умения делать вещи как бы из ничего: т. е. свободы нового порядка.

10 июля 1990, вторник, Саратов
Спозаранок (к часу) — кто ходит в гости по утрам! — Дюша. И хоть спросонок *рацио* работает не так, как мечтательность, обыграл-таки его в фишки… Недавно мне пришла идея превратиться в маятник. Ото-рваться от Земли и почувствовать, как она там вращается без меня. Белый холст, растянутый взлётно-посадочной полосой, и краскопульт, направленный красным, — вот что запечатлеет чувство новой сопричастности. Космос через вращение Земли, а с другой стороны, вся её флора и фауна, все люди — через всеобщее тяготение — будут участвовать в сотворении новой формулы бытия. Собирал *маятников-лёт: Леплан*.

28 июля 1991, воскресенье, Амстер-дам, red light district
Хора, то есть *Ура!* — наше представление на открытой площадке за городом. Сабин, музыка, ночь, фейерверк, вся компания, работа, премьеры… *Маленький человечек со множеством ног* — то я, как колобок, в лучах прожектора.

И Тайтл с Симоной кричат мне: «Ма-й-кл, Ма-й-кл!» И, крутя педалями среди скачущих зайцев, — в кварталы красных занавесок

и огнедышащих каналов с лодками, полными народу и вина. И неокончен-ная — с зевком слона — партия там же, в апартаментах Аннеми и Рода, клоуна, так смешно изображающего голландцев: две вращающиеся фиги перед глазами с криками *гульденс! гульденс!*

Миша Ле Жень, эскиз к маятниковой акции Леплан, 1990

5 июля 1992, пятница, Мюнхен
Отослав эксплуатацию нимбов к богу, он, конечно, молодец — лихие ассамбляжи и живопись, *успешная* выставка. После открытия поехали с ним на Баварианштрассе играть в шахматы и рассказывать новости… В Саратове, говорит, одну машину обменял на полдома, другой разбили

любовое стекло и отвинтили колёса; отца побили подростки, жене стрель-нули в глаз из газового пистолета; кто-то покупал графику по пять тысяч; хочет ещё машину… Ездили с ним и Хельгой на её ситроене в Штамберг, в ресторанчик *У принца*. Хорошо говорили. А немец, сидевший с какой-то парой за соседним столи-ком, оказалось, бывший после войны на работах в Омске, взялся за нас платить и обещал *всем столиком* на-грнуть в галерею Хельги… которая — баварской любезности не было преде-ла — приситроенила меня ночью в атропософскую коммуну.

27 января 1993, среда, Саратов
Вечером, только взялся за письма, за-явилась разухабистая компания с коньяком и желанием отметить сва-дебную регистрацию двух израиль-ско-отъезжающих, О. Б. и его пассии. Среди других — Ив. Ив. с подругой: как дураки, улеглись на моей кровати в тихой и якобы пьяной сентименталь-ности. Ну, бардак — прийти в приличный дом и нет чтобы в шахматы поиграть… Потом прибыл на лобную половину стриженный Ходовский и был, чего уж там, хорош. Когда остальные испари-лись, ужинали макаронами с кетчупом и пивом, и я рассказывал ему про вело-сипедно-прибалтийские приключения и свои те ещё аспирантские теории: архи-тектура — это опредмеченный инстинкт социальности; машина консолидации в строительной форме… и т. д.

26 июня 1998, пятница, Париж — Мюнхен

Другое дело — выспаться на полке шестиместного купе… хоть и под храп штутгартского дяди! А за окном — такая уж родная старушка Европа. Утро, будет дождливо, и скоро Мюнхен. Прощальная моца-релла с Сюзанной… она, оказывается,

довольны ситуацией, и Патрик даже нервничает… А она, говорит, лучшее, что сделала в жизни — Ян… Как-то, играя с ним в шахматы, рассужда-ли, может ли в них быть мораль. Ведь это не искусство, которое, суть, эти-ческое в эстетическом. Чистая игра ума, произвол творческой дерзости — как абстрактный экспрессионизм в живописи — выражает, утвержда-ет человека… Вот и мораль, если (ещё) не религия. Напевал ему *money makes the world go round*[?] и говорил, что у нас все озабочены националь-ной Идеей… а она уж давно прописа-на в конституции: человек — высшая ценность!

25 февраля 1999, четверг, Саратов

На ночь глядя, когда с Дюшей играли в фишки, позвонил Гвидо из Амстердама. Оказывается, они разо-шлись с Колетой, и он живёт теперь ладошек. Они с Патриком, наверное, уже вспоминают в их парижском ритме здешнюю тишину… а Ян — и девочку Лену с чайчьей косы.

Интересно, куда этот сукин сын задевал мои картины и ассамбляжи…

Александр Петлюра, 18 лет, якутская АССР

«Я руководил вещью»

Легендарный художник и коллекционер олдскульной одежды Александр Петлюра рассказывает о своём опыте самострока.

Мою любовь к вещам — как она гла-боко меня прихватила, что я столько всего наскладировал — объясняю тем, что у меня в детстве, в юности вообще не было вещей. Я был в интернате, и у меня были только синий костюмчик, бе-лая рубашка, красный галстук. В этом же костюме домой в автобусе приез-жал — и там мне нечего было надеть, просто нечего. У меня не было вещей, у мамы не было денег, но ей и говорили, что в интернате нам всё дают, что нас одевает государство. Но одевало нас го-сударство так: белая маечка и чёрные

29 августа 2024, пятница, Москва

В ресторане *Времена года*, зама-скированном под музей современ-ного искусства, подавали выставку *Открытое хранение. Пролог*. Всего, кажется, 14-15 участников, включая Л. Рубинштейна. Мой павильончик с показом акций на видео и в книж-ных объектах отстроен по-музейно-му филигранно. А с утра — настоя-щий квест с поисками *младенческого* дома на Самотёчной улице. Добира-юсь каким-то странным путём — как левое ухо правой рукой доставать — со множеством курьёзных пересадок, через Марьину Рошу, с выходом на новый диаметр на Курском вокзале, с многократной проверкой рюкзака на сканере, с общей путаницей в каких-то не до конца отстроен-ных туннелях… В общем, когда под-нимаюсь, наконец, на *Достоевской* к Суворовской площади, вдыхаю уж радости и гармонии. И дом-то — вот, 17а, за углом, и все двери открыты… ремонт, и рабочие отдыхают на мешках цемента.

Подъезд необычной планиров-ки: две лестничные клетки, соеди-нённые лифтовым коридором с квар-тирами… вот она, наша, пятьдесят первая — за лифтами на площадке, пол в шашечку и чья-то пластико-вая коняшка на колёсиках… А где же королёвская? Поднимаюсь — 63-я… как предпоследняя клетка на шахматной доске. Ни таблички, ни намёка… и даже дверь, похоже, ещё с тех времён, деревянная. И мо-нолитная лестница, та; потрогал — помнит? И уж спускаюсь вниз, чтобы выйти во двор — ан, нет, тамбур не-рабочий… и опять надо подняться по высокому пролётам до детской квартиры, чтобы по коридору вер-нуться в сюда…

1. Саратовская группа авангардных ху-дожников, 1987—1990.
2. Гульдены, голландские деньги.
3. «Деньги вращают мир», слова из песни Money, к/ф «Кабаре», 1972.

Или когда уже на Север поехал, в Яку-тию. Во Владимире вообще офиген-но одевался. Я что-то себе перешивал, придумывал, естественно. Сам я не шил рубашки — мне пошла девушка рубашку с таким длинным воротником полукругом. Я придумал модель, пу-говицы зелёные пришил сам, подтянул воротник, поднял. У меня были недо-рогие джинсы, но они были клешоные, джинсики, я что-то перешил, пришил, какие-то поставил зашпины, дополнял, декорировал… Я лучше всех одевался.

Ну что-то получалось подшить, при-шить. Я всегда этим занимался и до сих пор занимаюсь. Всё порвалось, да-же у детей что-то — я беру, подшиваю. А шить, чтобы так, как Эдик Лимо-нов, — не шил. Я подшивал, чуть пере-шивал, укорачивал, либо удлинял, ли-бо сужал. Это просто прошить шов, это несложно, это не кроить. Я никогда не кроил. То есть я руководил вещью, но самому сшить от начала до конца, с подкладом — я этого не умею и не хо-чу. Не увлекался, как Эдик.

Я по интуиции. Были клеша от бед-ра или от колена. Я заказывал, и, ес-ли что-то мне не нравилось, я мог чуть-чуть подузить, либо, если не сидело, подшить. А так, в принципе, клеша ши-ли мне девочки, кто-то, кто умел шить.

Меня как-то удивил в Харькове ев-рей-портной, который показал мне, как он шьёт брюки за сорок пять минут. Он просто раскроил при мне моментально всё и пошил готовые брюки. Сорок пять минут! Вот это мастера были. Такие мастера очень многие уехали, и в Аме-рике шили пиджаки, костюмы, брюки на Пятой авеню. Их там очень много, из Харькова евреев. Считалась еврей-ская профессия: дотошно, точно, усид-чиво. Какой мужик будет портным, ну русский, ты чего! Слесарь, сварщик, на Донбасс ехать, какие-то там открывать Антарктиды, Арктики — но не порт-ным же! А евреи не стеснялись. Был бы я еврей, я бы был офигенным портным.

Записал Даниил Родионов

Фото Михаила Голденкова

ПЕРВАЯ ДАЧА

Очень скоро на территории Дома творчества после реставрации откроется исторический коттедж «Первая дача»: теперь здесь музейный дом. Первая выставка «Ход коня» посвящена Виктору Шкловскому. Руководитель Дома творчества Переделкино Дарья Беглова рассказала о новом пространстве и обсудила концепцию выставки с драматургом Алексеем Синяевым, который работал над сценарием первой экспозиции.

РЕСТАВРАЦИЯ И ПРОСТРАНСТВО

Когда мы начинали работы, дом был в тяжёлом состоянии. Чтобы сохранить его, пришлось фактически подвесить здание в воздухе, залить новый фундамент — и установить исторические стены на новый скелет-каркас.

Мы освободили дом от слоёв 1990-х: многочисленных перегородок, пластиковых панелей и потолочных плиток, и стало ясно, что под ними не осталось исторических интерьеров. Единственный уцелевший свидетель прошлого — сами стены: их мы очистили и законсервировали. По ним видно, что дача не раз перестраивалась: в комнатах есть элементы внешней обшивки. Стены стали главным экспонатом — и рамой для повествования: к ним мы будем обращаться в каждом проекте.

Вместе с архитектурным бюро BlockStudio мы разработали концепцию лаконичного музейного пространства, где с помощью современных мультимедийных инструментов будут оживать истории, и стены «заговoryт».

КОНЦЕПЦИЯ МУЗЕЯ

Поскольку пребывание каждого жителя в этом доме было краткосрочным, мы сразу отказались от идеи дома-музея. Концепция музея — «дом для всех». Как и раньше, сюда будут на время вселяться разные персонажи, а мы узнаем о них много интересного.

У каждой выставки свой центральный персонаж — один из жителей Переделкина, вокруг которого строится разговор о литературе XX века, о писателях и времени в целом. У нас очень большой список будущих персонажей, и все они, их истории будут взаимосвязаны.

Суть нового музея — не только показать мемориальные предметы и рассказать про литературные произведения, нам важно раскрыть их временной и пространственный контекст: поэтому главными героями станут разговоры, воспоминания, письма, мемуа-

ры. Именно нематериальное наследие станет основой для повествования. С помощью современных режиссёров, драматургов, художников мы будем создавать выставки-спектакли, в которые надо погружаться с головой.

ВЫСТАВКА «ХОД КОНЯ»

Дарья Беглова: Первый новый житель дачи — Виктор Шкловский. Выбор героя не случаен. Во-первых, Никита Шкловский и Варвара Шкловская-Корди передали Дому творчества переделкинский кабинет Виктора Борисовича.

Алексей Синяев: Он будет расположен на втором этаже дома: книги с пометками, предметы обстановки — настоящая мемориальная капсула!

Д. Б.: Во-вторых, Шкловский прожил почти целый век: он застал Первую мировую и революцию, прошёл через все литературные группировки и одновременно оставался вне их. Это один из самых любопытных персонажей для первого разговора: через него мы начнём разговор о множестве эпох и явлений.

А. С.: Охватить такой огромный период — сложная задача. Я думал, что случай Шкловского уникален, но оказалось, что в его кругу общения таких насыщенных биографий много. Например, Роман Якобсон, друг и вечный оппонент Шкловского.

Д. Б.: Во вселенной этой выставки Шкловский, как солнце, притягивает множество сфер и фигур: формалисты и ОПОЯЗ, Маяковский и ЛЕФ, «Серапионовы братья», Мандельштам, Эйзенштейн... И обо всём надо рассказать! Но конечно, сам Шкловский — это невероятная фактура: он был не только литературоведом, но и блестящим писателем с ярким почерком. Занимался кино, сценариями, историей... Эйзенштейн называл его «ожерельем без нитки»: невозможно собрать его фигуру в единое целое.

А. С.: Мы даже не пытались решить такую задачу. Вместо этого мы подошли к материалу при помощи художествен-

ных приёмов, которые разработал сам Шкловский.

Д. Б.: Прежде всего, это приём остра-нения: когда смотришь на что-то новыми глазами, отстраняясь от привычного образа. Мы так посмотрели на Виктора Борисовича и увидели персонажа, который, как Чеширский Кот, то исчезает, то появляется, но знаменитая шкловская улыбка остаётся.

А. С.: Второй приём Шкловского — это монтаж: именно этим я занимаюсь в рамках проекта. Поскольку такой объём информации в рамках одной экспозиции охватить невозможно, мы разбили выставку на четыре сеанса.

Д. Б.: Утренний сеанс — о начале жизни Шкловского до побега из России. Второй — с его возвращения до окончания войны. Центром третьего сеанса станет история о том, как его громили во время кампании против космополитов. Четвёртый — вечер, закат жизни и в то же время абсолютное признание, споры с оппонентами и мысли о незавершённости.

А. С.: Внутри каждого периода мы выделили главные события и методом монтажа собрали их в единое полотно нарратива. Получилось лоскутное одеяло из смыслов — этот образ появляется во всех локациях выставки. Четыре сеанса образуют сценарий всей жизни Шкловского: на выставке её можно прожить за один день. Кстати, материальные экспонаты тоже меняются в течение дня. Экспозиция регулярно трансформируется. По будням будут экскурсии с медиацией — коллективная работа с сюжетами и с памятью. Участников ждёт сюрприз: каждый вы-берет предмет из архива, который станет ключом к открытию новых смыслов.

Д. Б.: Будут и классические музейные экспонаты из Архива литературной жизни Дома творчества, для которых художник Алексей Лука создал большую инсталляцию из 10 авторских столов. Она расположена в большом зале по центру выставки: когда-то тут было несколько комнат, теперь — такое переделкинское лимбо.

А. С.: В правой части дома — кухня и кладовая, а в левой — спальня, каминный зал и кабинет. Это места для интерактивных рассказов. Чтобы увидеть всю экспозицию, нужно переходить из центра в кладовую, в спальню, в кухню — как будто играешь в шахматы и идёшь конём.

Д. Б.: И каждый ход приводит к неожиданным открытиям. Мы так и назвали выставку — «Ход коня»: в честь сборника статей Шкловского. Люблю цитату оттуда: «...конь не свободен, — он ходит вбок потому, что прямая дорога ему запрещена».

А. С.: Шкловский кидал афоризмы везде, как огненный дракон. Самые искрометные его изречения Варвара Шкловская собрала в статье «Изюм из булки». При жизни отец ей это сделать не давал: говорил «не выковыривай изюм из булки». Эти цитаты появляются в каждом эпизоде выставки.

Д. Б.: Тем временем в очереди уже стоят другие переделкинские герои. Мы собираем новый архив литературной жизни — материальные и нематериальные объекты, связанные с литературной жизнью XX века. К сожалению, старых архивов Дома творчества

не сохранилось. Поэтому мы восстанавливаем историю по свидетельствам, мемуарам, опросам и интервью. Это даёт нам запас выставок на много лет вперёд.

ВТОРОЙ ЭТАЖ

Второй этаж «Первой дачи» — пространство архива. Во-первых, там расположен исторический кабинет Шкловского. Он в постоянном доступе для специалистов: тут можно изучить маргиналии в томиках Толстого, разобрать-ся в переписках.

Во-вторых, на втором этаже есть медиакомната — там, где жил Геннадий Шпаликов. Мы её называем комнатой сценаристов: здесь можно поискать материалы в видео- и звуковых архивах и поработать над своим сценарием.

Также на второй этаж из исторического корпуса переехала экспозиция «Хроники Переделкина»: она рассказывает о жителях посёлка. Отдельная часть экспозиции посвящена истории «Первой дачи».

А на полукруглой террасе — в самом красивом месте на земле — разместился звуковой архив, где можно послушать голоса Переделкина. Некоторые записи плохо сохранились, поэтому мы применяем ИИ — восстанавливаем писательские голоса на основе уцелевших фрагментов. При помощи технологий Сбера — умного дома и интеллектуальной колонки — закрываются шторы, на них появляются изображения, а по запросам посетителей и модераторов включаются аудиоматериалы. Это тонкая интеграция технологий в живое музейное пространство. В ней нам помогают Сбер, наш генеральный партнер, и команда СберСити.

Записала Анна Демчикова

ГАЗЕТА «ПЕРЕРЫВ»

Главный редактор: Денис Крюков

Арт-директор: Юлия Дикевич

Над номером работали:

Наталья Бакшаева, Сергей Гуськов, Катя Гущина, Анна Демчикова, Михаил Климин, Сергей Лебедев, Миша Ле Жень, Евгения Некрасова, Даниил Родионов, Роман Сакин, Дмитрий Цыганов

Корректорское бюро «Ёлки-палки»

Отпечатано в ОАО «Московская газетная типография». Заказ № 3238. Тираж 2000 экз.

Адрес: ДСК «Мичуринец», поселение

Внуковское, ул. Погодина, 4,

Дом творчества Переделкино

info@pro-peredelkino.org

+7 (916) 260-94-88

События и новости Дома творчества

«Телеграм»

«ВКонтакте»

YouTube